

силъ насмѣшки и, должно быть, въ душѣ его происходила тяжелая борьба; онъ прежде румяный, полный,—похудѣлъ и поблѣднѣлъ и все чаще ходилъ къ Ермолаю Иванычу, и все душевнѣе и душевнѣе говорилъ съ нимъ послѣдній. Потомъ разъ былъ я у Ермолая Иваныча одинъ, когда къ нему пришелъ этотъ юноша. На этотъ разъ онъ былъ какъ-то сосредоточенъ, но и возбужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Унынія на его лицѣ не было и слѣдовъ. Онъ съ жаромъ торопливо что-то началъ рассказывать. Я вошелъ въ это время съ маленькимъ органичкомъ за перегородкой и изъ отрывочныхъ фразъ, долетавшихъ до меня, могъ уловить, что юноша выдѣляется изъ семьи, что дядя наконецъ согласился и даетъ ему сколько-то тысячъ, и что онъ заводитъ свое дѣло. Онъ просилъ совѣта. Ермолай Иванычъ молчалъ. Я радовался за юношу. Но вдругъ въ это время Ермолай Иванычъ порывисто вскочилъ такъ, что даже стулъ упалъ.

— Дубина ты вязовая!.. Да неужели ты не видишь, что вѣдь ты сбѣжишь отъ этого дѣла-то?

— Зачѣмъ сбѣжать? Дѣло чистое—самъ говорилъ... совѣтовалъ! Ты же въ долю хотѣлъ пойти?..

— Въ долю?! Говорить!.. А ты слушай, распустя уши-то!.. Какъ же, совѣтчикъ, а самъ себя не могу ни чему пристроить: ахъ, кабы не согрѣшить! ахъ, кабы не было себя стыдно!.. Чистое дѣло... Самъ сюда прѣехалъ, по дьявольски сѣти раскинулъ, обывателя выщупалъ... да на томъ и осѣлъ!..

Ермолай Иванычъ смолкъ и тяжело опустился на стулъ. Потомъ снова заговорилъ и мольбой, и безконечной скорбью звучалъ его голосъ.

— Петруша, брось ты меня, уйди, что я тебѣ дался?! Заводи дѣло, не думай,—вѣрно—дѣло чистое; уходи ты отъ моихъ глушыхъ разговоровъ; ты человекъ свѣжій, — тебѣ жить надо!..

— Нѣтъ, какъ же — уходи? — это, братъ, такъ нельзя; ты откройся... А можетъ, и впрямь тутъ неладно что, а я хочу по правдѣ!..

— Зря — это я, зря!.. Повѣрь,—чуть не плакалъ Ермолай Иванычъ.

Я невнимательно слушалъ, пока говорилъ Петръ но рѣчи Ермолая Иваныча глубоко поразили меня, хотя я совсѣмъ ихъ не понималъ. Я зналъ дѣло, которое хотѣлъ завести Петруха, — это было открытіе небольшой фабрички для производства картофельнаго крахмала. Дѣло, какъ говорили, обѣщало нѣоторыя выгоды, и Ермолай Иванычъ самъ очень имъ увлекался. Не разъ